

А. КРУЧЕНЫХ

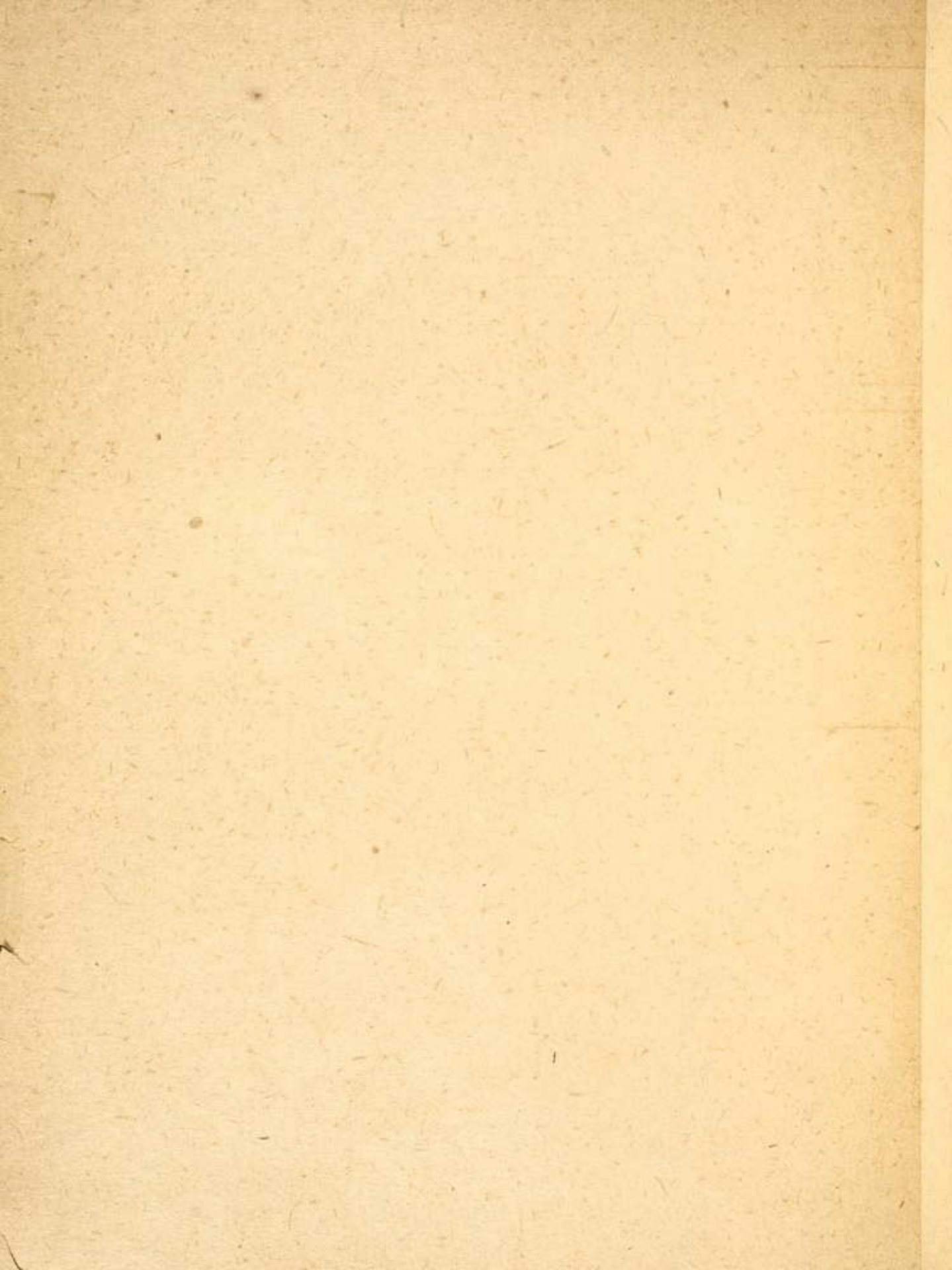
НОВЫЙ ЕСЕНИН

**О первом томе
„Собрания стихотворений“**

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва — 1926

А. Крученых

НОВЫЙ ЕСЕНИН

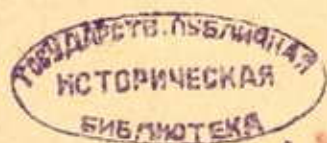
О первом томе
„Собрания стихотворений“.

Продукция № 138

Портрет Есенина рисован
В. КУЛАГИНОЙ

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва — 1926

Новый Есенин.

После долгих технических задержек,—наконец, 31 марта 1926 г. вышел в свет 1-ый том «Собрания стихотворений» Сергея Есенина *).

По этому капитальному изданию можно с известными основаниями судить о том, какой поэтический путь пройден Есениным. В одной из наших работ («Лики Есенина») мы пытались показать, что Есенин в своих стихах прошел горестный путь «от херувима до хулигана». Это положение вполне подтверждается и прекрасно иллюстрируется «собранием стихотворений». От первой страницы большого тома к последней—пролегает тяжкая дорога поэта. В начале книги помещены молодые, радостные по настроению, деревенские и церковные по темам—одни словом—«херувимские» стихи. Здесь мы видим такие образы:

Шол господь пытатъ людей в любви...
Я вижу: в просиничном платье,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная мати
С пречистым сыном на руках.
Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа.

Вся природа окрашивается для Есенина (в период 1910—17 г.г.) в религиозно-мистические образы.

Схимник ветер....
...Целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.
...В елях—крылья херувима,
А под пеньком—голодный спас.

И еще:

...Калики...
Поклонялись пречистому спасу.

(1910 г.)

*) Государственное Издательство Москва—Ленинград, 1926 г.

...Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на конны и стога.

(Приблизительно 1914 г.)

Пусть «убогая» радость, но все же радость, оваянная
молитвенным покоем:

Хаты—в ризах образа

(1914 г.)

Этот молитвенный покой глубоко несозвучен современности, да и в 1914 году он был нежизнен и, пожалуй, ненужен. Но самому поэту он казался прельстительным, и в настроении Есенина было нечто светлое. Но это светлое настроение быстро ступшевывается и под конец исчезает совершенно. К середине книги стихи приобретают новую эмоциональную окраску. В них все чаще и чаще начинают прорываться темные скорбные тона. Центральные страницы 1-го тома собрания стихотворений Есенина заняты циклами «Москва Кабацкая», «Любовь хулигана» и т. п. стихами, воспевающими кабацкое буйство и душевный разлад.

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоникки желтую грусть.
Проклинают свои неудачи
Вспоминают Московскую Русь.
И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.
Что-то всеми навек утрачено,
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой...
Что то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.
Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?

Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.
Нет, таких не подмять. Не рассеять
Бесшабашность им гнилью дана...
Ты Рассея моя... Рассея...
Азиатская сторона!

В таком виде стихи напечатаны в книжке «Москва Кабацкая» (Ленинград, 1924 г.). Выше мы говорили, что в этих стихах Есенин воспеваает кабацкий разгул. Необходимо добавить: и проклинает его со всей болью безнадежности. Да, безнадежности; потому что не только преодолеть кабак, но и разлюбить его Есенин уже не может. Недаром в другом стихотворении, он признается:

Все они убийцы или воры.
Полюбил *) я грустные их взоры
С впадинами щек.

Полюбил—и подружился:

Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Но всю гибельность этой любви и этой дружбы Есенин остро и больно чувствовал. И гибельность эту проклинал так же, как действующие лица его стихотворений

Проклинают свои неудачи.

Кто же является действующими лицами вышеприведенного стихотворения?—Бандиты, хулиганы, пьяницы—выброшенные за борт жизни. Судя по первой редакции стихотворения, о них больше ничего сказать нельзя. Разве только в первом четверостишье дан какой-то намек на то, что толкнуло всех этих людей в кабацкую пропадь:

Проклинают свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь.

Московская Русь, старина, древний быт умерли, сгнили, а в новой жизни герои Есенинских стихов дела себе не нашли и скатились вниз.

*) Курсив везде наш.

Этот намек во второй редакции стихотворения *) развивается и оформляется, именно: после третьего четверостишия вставлена еще одна строфа.

Ах! Сегодня так весело Россам.
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про Чека.

Здесь почти совершенная, окончательная ясность. Если в первой редакции стихотворения указание на эпоху, в которую происходит дело, — дано в виде слабого намека, то здесь «гармонист, поющий про Чека» убеждает нас, что речь идет о послереволюционной, Советской России. Тем самым, стихотворение, кроме лирического содержания, приобретает как бы некоторую политическую окраску. Эта политическая окраска становится достоверной и яркой в третьей редакции стихотворения **). Так мы имеем после слов: «что сгубили свою жизнь сгоряча» следующую строфу:

Жалко им, что Октябрь суровый
Обманул их в своей пурге,
И уж удалю точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

Так вот в чем политический смысл этого стихотворения: «Россам», мечтающим о возврате «Московской Руси», Октябрь представляется слишком «суровым» и, что особенно важно, — «обманувшим их».

Теперь мы видим, что герои стихотворения не романтические бандиты вне времени и пространства, но люди, выбитые из колеи жизни «суровой» октябрьской революцией.

После того, как мы прояснили политический дымок этого стихотворения, нам представляется в новом свете и двухстишие:

Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

*) С. Есенин — Стихи — (1920—24). Изд-во „Круг“.

**) Собрание стихотворений, т. I. Гиз, 1926 г.

Не идет ли здесь речь о революционерах, «сгоряча» «сгубивших свою жизнь» в борьбе с царской «Московской Русью»?

Однако, основной смысл всего цикла стихов—не в этих политических намеках, а в кабацком угаре, в воспевании пьяного разгула. Именно этими настроениями проникнуто большинство стихов I-го тома. Горькое сожаление о «чем-то, на век утраченном», упоение «хулиганством» и кабацким разгулом—вот основные мотивы этих песен.

Все живое особой метой
Отмечается с давних пор.
Если не был бы я поэтом,
То наверно был мошенник и вор.
... Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

Или из другого стихотворения:

... Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.
... Плюйся ветер охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

(1919 г.).

Слово «хулиган» робко мелькнувшее еще где-то в начале книги—в середине ее настойчиво звучит чуть ли не на каждой странице. Ко второму периоду своего творчества, поэт деревенских просторов и «молитвословных» цветочков—становится поэтом городского хулиганства и ругани.

От «херувима до хулигана»—таков, действительно, путь Есенина. Или, пожалуй, еще точнее, от херувима, через хулигана, до самоубийцы. Хулиганство, разгул далеко не удовлетворяют Есенина. Еще задолго до фактического самоубийства он начинает «искать смерти» в своих стихах. С этой точки зрения интересно рассмотреть следующее стихотворение:

Сторона ты, моя сторона,
Дождевое, осеннее олово.

В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.
Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть худшего *),
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Небезинтересно, что все окружающее кажется поэту „ржавой мретью» — в 1921 г. Но просмотрим стихотворение до конца:

...Если голоден ты—будешь сытым,
Коль несчастен—то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.
Как подумал я, так и сделал.
Но увы! Все одно и то ж.
Видно слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь...
...Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
Друг мой, друг мой! Прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

(1921 г.)

В этом стихотворении чрезвычайно явственно ощущается намеренный уход от жизни: лучше всего не смотреть на окружающее, сощурить глаза, спрятаться от жизни за свои опущенные веки. Но это не удастся, как не удастся страусу укрыться от преследователей, зарывши голову в песок. Жизнь настойчива: она врывается в сознание даже сквозь закрытые глаза, но образ ее искажается, исчезают все ее светлые стороны и во тьме закрытых глаз она вся сплошь становится темной. И тогда смерть кажется единственным исходом:

Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

*) Так напечатано в I томе «Собрания Стихотворений». В первоначальной редакции, в книжке «Москва Кабацкая», читаем—«хужева».

Неправда ли, какой горькой иронией звучит здесь слово «прозревшие».

В этом стихотворении, кроме предчувствия и жажды смерти, есть еще один, очень важный для постижения есенинской поэзии, мотив; он проявляется в 3-ей строфе:

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж склепов домов,
Словно мельник, несет колокольня
Медные мешки колоколов.

Дома — символ ненавистного Есенину города — кажутся поэту «скелетами». Колокольня же (церковь) является для поэта одним из необходимых элементов «радостной», «благодостной», «молитвенной» деревни. И стоит только посмотреть, как «словно мельник» несет она медные мешки колоколов (опять-таки деревенские образы), чтобы на душе стало «теплей и безбольней».

Этот мотив ненависти и влюбленности в «навски утраченную» вымышленную романтическую деревню чрезвычайно тесно связан с мотивом «хулиганства» в поэзии Есенина. Смысл этой связи таков: лишенный возможности вернуться в деревню и окруженный ненавистной атмосферой города — поэт уходит в пьяное буйство и разгул:

...Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.
...Город, город! Ты в схватке жестокой
Окрестил нас, как падаль и мразь.

(«Волчья гибель»).

И рот, побежденный городом, поэт бросается в бесполезное шатание и скитальчество:

— Эй, ямщик, неси во всю! Чай рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам.

Или из другого стихотворения:

Позабуду поэмы и книги.
Перекину за плечи суму.
Оттого, что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.
Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

«Во всем дурака валять», «хулиганить», «скандалить», «вытрясать душу по ухабам» разгула—вот на что идет поэт, творчество которого выбил из колеи «Октябрь суровый». Но хулиганство не только не спасает от гибели, но, наоборот,—ведет к ней вернейшим и кратчайшим путем. И вот—в результате—окровавлена и опустошена душа:

...теперь вся в крови душа.
...Нет любви ни к деревне, ни к городу...
...О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

И—неприменно заключительный аккорд:

На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Или:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь,
Будь же ты во век благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

Смерть, распад, разрушение—вообще, всяческая погибель, занимают в стихах Есенина чрезвычайно видное место. В начале книги это почти незаметно. Там прямо о смертях, могилах и катафалках не говорится почти нигде. Но духом погибели пропитаны и эти первые юношеские страницы собра-

ния стихотворений Есенина. Этот дух гибели, дух тления чувствуется в неприятии земли, в уходе от нее к вымышленным небесам.

Казалось бы в стихах идет речь о самом, что ни на есть земном: о деревне, о крестьянских полях, о дневной страде, и вечерней гармошке. Так вот нет же—уверяет себя и читателя Есенин—ничего земного тут нет. Все это не от мира сего:

Между сосен, между елок
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

(1914).

И, раз примеревшись, Иисус уже не исчезает. За ладонным дымком «радуниц божьих» не видно земли и пение всевозможных псалмов и молебнов заглушает шумы жизни. В этом отречении от действительности затаена несомненная тяга к смерти. Это—то, что проф. З. Хрейд называет Todesstrieb—стремление к смерти, которое в патологических случаях превышает стремление к жизни.

Как мы уже говорили выше, в начале книги «покойнические» настроения выражены мягко. Но—страницы за страницей, стихотворение за стихотворением—они выявляются и нарастают. Проследим хронологически это нарастание:

Закадили дымом под росую рощи,
В сердце почивают тишина и мощи.

(1912 г.)

Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть *).

*) Дата не указана. Приблизительно 1912—1913 г.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.
И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь

(1915 г.).

...Или, или, Лима Савахвани,
Отпусти в закат

(Прибл. 1917 г.).

И—чем дальше—тем безнадежнее:

Неживые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья кони
О хозяине старом тужить.
Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

(1921 г.).

— Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

(1921 г.).

Так стремление к смерти победило жизнь в плане литературном. Впоследствии—в трагический день самоубийства Есенина—оно победило и в плане действительности. Но в настоящей работе мы не собираемся касаться связи творчества

Есенина с его жизнью *). Что же касается стихов, то распад и тление оказались победителями не только в тематике, но и в технике. Точно так же, как из-за похоронного ладана Есенин не рассмотрел жизни,—так из-за призрачной «красивости» или «печальности» темы, он не увидел одной из подлинных задач поэта: использовать свой материал с максимальным мастерством. Техника есенинского стиха поражает своей небрежностью. Есенин чрезвычайно мало ценит слово, как таковое, и обращается с ним почти пренебрежительно. Результатом является целый ряд технических невязок, неудачных строк, давно использованных в поэзии и давно надоевших образов.

Среди «Персидских мотивов» попадаются, например, такие строки:

...Все равно—глаза твои, как море
...Вот он удел желанный...
... О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты горят...

Или—из «Письма матери», которое считается одним из лучших стихотворений Есенина:

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось.

Если бы под этими строками не стояла подпись Есенина, их легко можно было бы принять за отрывок из популярного в провинции романса.

А вот две строки из цикла «Любовь Хулигана»:

...Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта...

*) По этому вопросу см. наши работы:
«Гибель Есенина».
«Черная тайна Есенина».

И дальше— окончательная литературная «старинка»:

...Жизнь—обман с чарующей тоскою
Роковые пишет письма.

Если бы подобные строки встречались у поэта, который не мог сказать иначе и лучше—об этих строках, да пожалуй и о самом поэте, вообще, не стоило бы говорить. Но ведь у Есенина иногда попадаются яркие, хорошо сделанные (да простит нам читатель это выражение) стихи. Следовательно в приведенных нами примерах (а их в книге слишком много) проявилась небрежность и—как это ни печально, приходится сказать—преступная небрежность поэта по отношению к поэзии. Есенин в технике «не обратил внимания» на то, без чего не живет стих, на слово, как таковое—точно также, как в тематике он «не обратил внимания» на жизнь, как таковую. И вот—в результате

...не осталось ничего,
Как только жолтый тлен и сырость.
(1923 г.)

Тлен, слезная сырость, надрыв и тоска по загубленной жизни...

В сентябре 1925 года, за три месяца до смерти, Есенин пишет и посвящает «сестре Шуре» следующее стихотворение:

Я красивых таких не видал,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде—
Повторяешь ты юность мою.

Ты—мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село.
Только знаю—багряной мятелью,
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

(1925 г.)

Это—стихи последнего, заключительного периода творчества и жизни Есенина. Вот к чему пришел он: над прежним жилищем, как над могилой, воет покинутый пес. Все, что было в прошлом—деревенская юность, тихая радость в полевых просторах—все умерло: «Возвращаться не надо»—нет ничего, к чему стоило бы возвращаться. А настоящее? О нем в этом стихотворении прямо ничего не сказано. О нем мы знаем из целого ряда других стихов, часть которых нами процитирована выше. Это настоящее—беспросветный угар, «мреть»—и исход из него единственный: смерть.

И хотя во втором посвящении «сестре Шуре», поэт на минуту пытается вспомнить о чем-то радостном:

Сердцу снится *) душистый горошек

И звенит голубая звезда—

но это его не утешает. «Голубые звезды» «звенят» только во сне, а на—яву—тоска и всеобщая гибель. И это стихотворение, из которого мы привели две строки со слабым намеком на радость—заканчивается смертельной безнадежностью:

Сестре Шуре.

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.

*) Курсив везде наш.

Сердцу снится душистый горошек
И звенит голубая звезда.
На яву ли, в бреду, иль спросонок,
Только помню с далекого дня—
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.
Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.
Все прошло. Потерял я бабу,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

Сентябрь 1925 г.

«Все прошло!» В этих двух словах весь безнадежный провал Есенина. Поэт в течение всей своей деятельности оглядывался куда-то назад: «все прошло», все в прошлом, «где моя утраченная свежесть?» и т. д. и т. д. А когда он пытался заглянуть в будущее, оно виделось ему таким же безнадежным:

...Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный
Я не буду больше молодым.

И вот, все проходит, все гибнет. Конечно, эту гибельность Есенин носил в себе, в складе своей психики. Но он переносил ее на внешний мир: гибнут, и неизменно гибнут, по его представлению, люди, погибают животные. Кот собака, лисица, корова,—все обречены на страшную и печальную смерть. И всех их Есенину жалко, и об этой жалости пишутся стихи. Странно толко, что животных ему больше жаль, чем людей. Он сочувствует собаке и корове, но по отношению к близкой женщине не находит более нужных выражений, чем «паршивая сука», «чучело», «дрянь» и т. п. *)

*) Из стихотворения: «Сыпь гармоника», «Пой же, пой!» и др. См. ниже.

К человеческому страданию Есенин относится почти пренебрежительно. В этом сказывается его болезненный уход от реальности. Ему не до жизни и, следовательно, ему не до людей. И вот он растрчивает свои душевные силы на страдание тем, кому оно не нужно. („Не обижу ни козы, ни зайца“ и т. п.).

Есенин беспросветно одинок, и это одиночество тащит его в омут.

Если в первый период творчества Есенину казалось, что по деревенским нивам ходит благостный апостол Андрей, то теперь эти нивы помрачены, тоской и страхом веет от них—словом—по ним бродит „черная жуть“ смерти. „Песнь о хлебе“, тема которой—полевые работы,—написана в скорбном и безнадежном тоне. „Песнь о хлебе“ под пером поэта безнадежности становится „Песней о чуме“.

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья
Как под горло режут лебедей.
Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома—
Каждый сноп лежит, как желтый труп.
На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп—овин,
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин...
...Никому и в голову не встанет,
Что солома это тоже плоть,
Людоедке мельнице зубами *)
В рот суют те кости обмолоть.
И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый

*) В издании «Круг» напечатано так. В 1-м томе изд. Гиза другая пунктуация:

Людоедке-мельнице—зубами
(Строфа все же остается путаницей: «зубами в рот суют?»).

В жбан желудка яйца злобы класть.
Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмянный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.
И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей,
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

Таково это единственное есенинское стихотворение о крестьянском труде, об основе деревенской жизни.

Любопытное само по себе, оно знаменательно и для развития поэтических образов Есенина.

Труп, катафалки, склеп, погребальный чин, яд, отравы, — вот какие слова находит теперь поэт для бывших прежде «благостными» деревенских нив.

Вполне понятно, почему это произошло: до сих пор Есенин обыкновенного, настоящего поля как бы никогда и не видел. Это теперь отмечено даже снисходительными критиками Есенина:

— «И в молитвенном экстазе говорит Есенин:
Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.

Да, нездешних нив. Мистика и поповщина уводят от подлинной жизни. Черные крепны мистической тайны закрывают глаза, молитвенный шум заглушает шумы подлинной жизни, и надуманным, искусственным становится творчество писателя. Есенин не смог стать певцом деревни, осознать ее подлинные нужды, подлинные радости, истинные горести *).

И—добавим—вместо подлинных радостей деревни Есенин усмотрел призрачные радости в духе «апостола Андрея» и вместо подлинных горестей—вымышленные горести несчастных колосиков. И совершенно прав тот же В. Киршон, когда несколько далее он говорит о есенинских описаниях деревни: «картина в целом неверна, фальшива, вредна»:

*) В. Киршон.—О Есенине.—«Молодая Гвардия». Книга 1-я. Январь. 1926 г.

Однако, несмотря на это совершенно категорическое утверждение, В. Киршон через две страницы приходит к совершенно противоположному выводу, усмотрев «громадное положительное значение» творчества Есенина:

— «Глубокой задушевностью, искренностью, простотой и нежностью налитаны песни Есенина... Он находит удивительно мягкие и теплые слова для белесой коровы Буренки. Для собаки, у которой утопили щенят... И даже колосья, которые режут *) «как под горла (?) лебедей», вызывают в нем сочувствие».

Вот то-то и плохо, что у Есенина «мягкие и теплые слова» сочувствия нашлись для животного и растительного мира, и не нашлись для людей. Вот в этом-то именно и сказывается с наибольшей силой оторванность Есенина от жизни. а В. Киршон полагает, будто Есенин «прекрасно показал» «внутренний облик крестьянства», «которому жестокость не свойственна» **)—и в этом—«громадное положительное значение его творчества». Но не станем долго спорить с В. Киршоном. В конце-концов стихи Есенина достаточно красноречиво убеждают в том, что Есенин, как поэт, избирал темы и краски глубоко отрицательного, а уж совсем не положительного значения для современности. 1-й том собрания стихотворений чрезвычайно показателен в этом отношении. Кое-что из этого тома процитировано нами выше. Приведем еще несколько строф из центральной части книги.

...Сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад...
...Был я весь, как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий...

«Был»... А что же теперь? Теперь поэт хочет уйти от хулиганства и пытается уйти от него (1923 г.) в личную жизнь, в любовь:

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить...

*) От чрезмерного восхищения В. Киршон впадает даже в некоторую невнятность: кто кого режет? (А. К.).

**) А как же «грубость жнущих»?

Но любовь не явилась исходом и спасением. В кабацком чаду она сама приобрела чадный облик.

Еще прежде в его стихах прорывались темные, грустные нотки.

Ближе к концу, они превращаются в сплошной вопль отчаяния и безнадежности. Мы позволим себе процитировать полностью два стихотворения, чрезвычайно показательные в этом отношении.

Здесь уже нет речи о счастье, тишине и молитве. Стихи говорят о глубоком душевном надрыве, о бессмысленном пьяном буйстве и ругани (написаны в 1922—23 г.):

Пой же, пой! На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Если прежде друг был не нужен («счастлив, кто... живя без друга»), потому что и без друга жизнь была какой-то ценностью, то теперь—этот «последний, единственный друг»—последняя соломинка, за которую хватается утопающий. То, что поэт сознает себя утопающим, гибнущим, — ярко выражено в следующих строках:

Не гляди на ее запястья,
И с плечей ее льющийся шок.
Я искал в этой женщине счастья,
А печально гибель нашел.

(Здесь и дальше курсив наш).

Я не знал, что любовь—зараза,
Я не знал, что любовь—чума,
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Сумасшествие, зараза, чума, гибель—вот как рисуется любовь Есенину теперь. А ведь в более ранних стихах он мечтал о том, что любовь «явится ему, как спасенье». В тот период и любимая женщина представлялась его сознанию нежной и трогательной. Теперь она стала темным призраком, символом безобразной и бессмысленной жизни, «кабацкого пропада» *):

*) Выражение А. Воронского.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова
Молодая, красивая дрянь.

Интересно отметить, что образ любимой женщины у Есенина всегда соответственен, подобен тому образу самого поэта, который он рисует в своих стихах. Сам был светлым и кротким—и она была такой же. Сам стал «хулиганом»—и она стала «дрянью». И именно потому, что самого себя бичевать—мучительно, и ее он на минуту щадит:

Ах, постой. Я ее не ругаю.

Ах, постой. Я ее не кляну.

Но пощада продолжается не более одного мгновения. В следующих строках поэт в темнейшие низины низводит и свой образ и образ возлюбленной:

Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.
Льется дней моих розовый купол
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал.
Да! Есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую соком.

«Розовый купол» и «золотые сны» не спасли от черного провала. Жизнь покатила вниз и поэт чувствует, что это уже непоправимо:

Так чего ж мне ее ревновать,
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь—простыня да кровать.
Наша жизнь—поцелуй да в омут.

«В омут»... Невольно приходит на мысль, что поэт предчувствовал свою гибель. Но ведь надо же куда-нибудь деваться от нестерпимого сознания близкой гибели. И вот—отчаянный, истерический, последний разгул:

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.

Только знаешь, пошли их на...

Не умру я, мой друг, никогда.

Уверенный в том, что смерть близка, что она надвигается и вот-вот задавит—он старался внушить самому себе и своему «последнему другу» мысль о собственном бессмертии. Но «роковая беда» все-таки неотступно шла за ним по пятам и в конце-концов настигла его...

Вот еще одно стихотворение того же периода, что и первое. В некоторых его строках надрыв чувствуется еще острее:

Сыпь, гармоника. Скука... Скука...

Гармонист пальцы льет волной.

Пей со мной, паршивая сука,

Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали—

Невтерпеж.

Что ж ты смотришь так синими брызгами?

Иль в морду хошь?

«Невтерпеж»...—некуда деваться от смертельного отчаяния, кроме как в пьяный угар: «Пей со мной». Но и в попойке не легче, и горькая досада берет, и спутница—не мила:

В огород бы тебя на чучело

Пугать ворон.

До печенок меня замучила

Со всех сторон.

Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая.

Пей, выдра, пей.

Мне бы лучше вон ту, сисястую,—

Она глупей.

«Чем хуже, тем лучше». «Она глупей»,—ладно, пусть: ни в чем нет спасения, может быть оно найдется в «глупой», животной, мясистой любви. Но и любовь оказывается спасеньем не была и не будет:

Я среди женщин тебя не первую...

Не мало вас,

Но с такой вот, как ты, со стервою

Лишь в первый раз.

И чем дальше, тем острее надрыв:

Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

«Не покончу»,—разве это обещание успокаивает? Наоборот: так горько сказано оно, что воспринимается в обратном смысле. Над тем, что в таких выражениях обещает остаться жить,—непременно маячит револьвер или веревка.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.

Могильным холодом тянет от этого последнего «простыть». И все таки жалко жизни, мучительно хочется все темное бросить, во всем «пропащем» раскаяться:

Дорогая, я плачу,
Прости... Прости...

Но «прости» звучит, как «прощай», как последнее слово перед смертью...

Оба цитированные нами стихотворения производят необычайное впечатление. В них мрачный пафос кабацкого отчаяния достигает последнего предела. Эти, самые жуткие стихотворения, являются в то же время и одними из лучших у Есенина. Вообще, в последний период его творчества, ему лучше удавались строки о мрачном разрушении (вроде вышеприведенных) нежели строки о светлом строительстве («Стансы» и проч.). Это вполне понятно: поэт всегда лучше всего пишет о том, что созвучно его внутренней жизни. А внутренняя жизнь Есенина в последние годы была только дорогой к смерти. И не даром вся книга заканчивается принятием этой смерти:

... Цветы мне говорят—прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.
Любимая, ну, что ж! ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

Когда гибель неизбежна, остается ее принять. Так решил Есенин. Так, соответственно своему решению, он сам расположил стихи в книге*), которой ему уже не суждено было увидеть напечатанной...

Мы внимательно прочли всю эту книгу.

Что же дает нам право говорить, что в 1-м томе «Собрания стихотворений» можно увидеть «Нового Есенина?» Казалось бы, все, о чем мы говорим в настоящей нашей работе было известно и раньше. Казалось бы... Но в действительности это далеко не так. Достаточно хотя бы двух стихотворений («Пой же, пой... На проклятой гитаре» и «Сыпь, гармоника»), нигде прежде не напечатанных (в СССР), чтобы найти в Есенине нечто новое. Но этого мало. В 1-м томе собрано большое количество лирических стихов Есенина, написанных в течение целого ряда лет. То, что прежде появлялось перед глазами читателя разрозненно и не одновременно, сливается в некоторое единство. Только теперь можно с полным правом начать говорить о творчестве Есенина в его целом. И только теперь у нас есть возможность убедиться, что те заключения, которые делались нами в других работах относительно отдельных произведений или отдельных групп произведений Есенина—верны и по отношению ко всему его творчеству, во всяком случае, по отношению ко всей лирике Есенина.

Во всяком случае 1-й том позволяет говорить о «Новом Есенине»... Пока вышел только первый том собрания сочинений Есенина.

— Есенин только начинается—

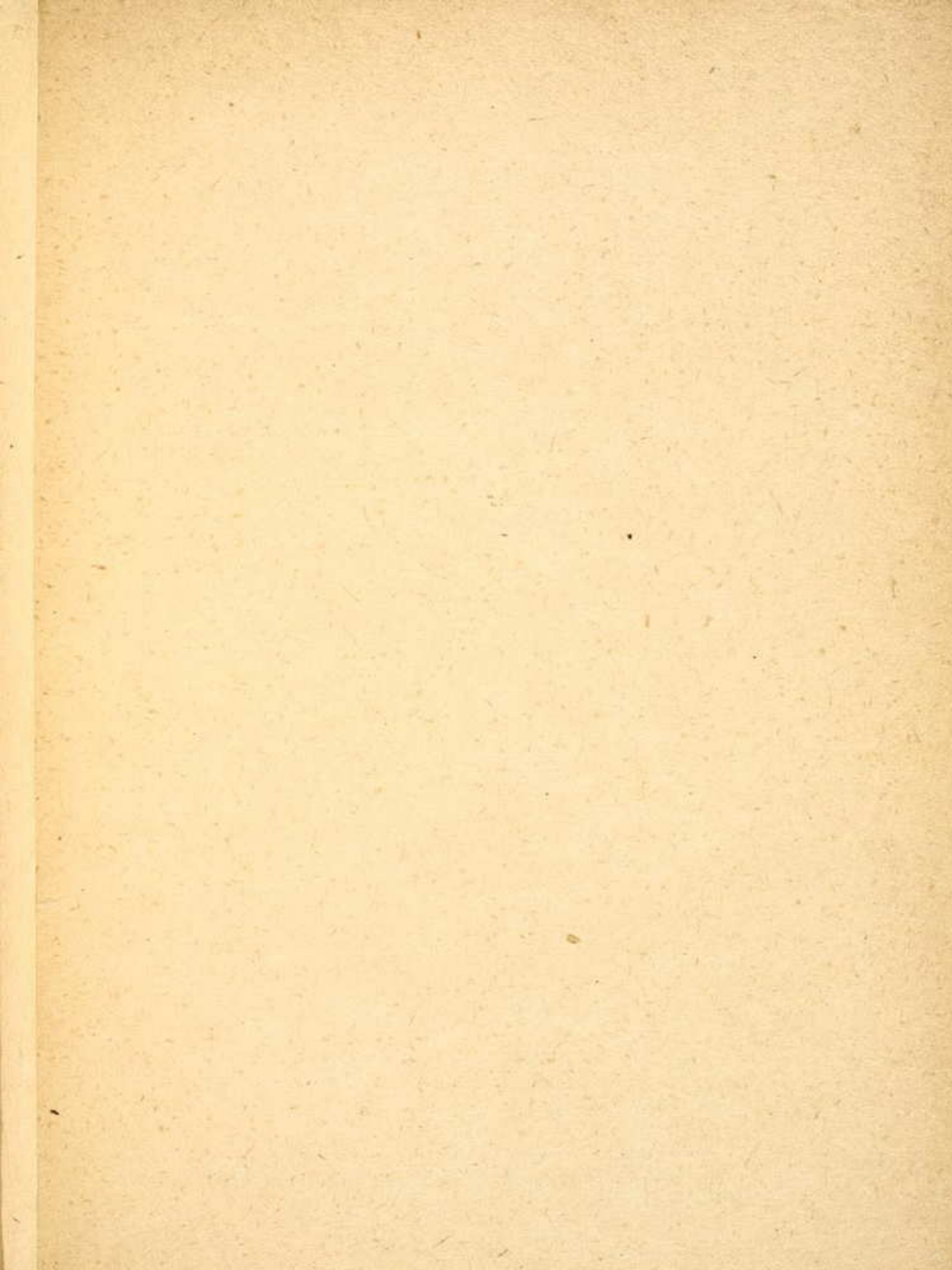
исследование его творчества сможет претендовать на полноту и законченность не раньше, чем мы увидим полное собрание сочинений Есенина.

Пока же можно только намечать пути и проходить отдельные этапы.

Многое ясно уже сейчас. Нашей задачей было рассмотреть то, что уже сейчас поддается исследованию—выпыту.

Москва, 1926, апрель.

*) Есенин сам подготавливал стихи к этому изданию. Поэтому расположение их зависело от воли автора.

Книги А. Крученых

1925—6 г. г.

126. А. Крученых. — «Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова». М. 1925 г.
 127. Его же. — «Заумный язык у Сейфуллиной, Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, Ар. Веселого». М. 1925 г.
 128. Его же. — «Записная книжка Велемира Хлебникова». М. 1925 г.
 129. Его же. — «Язык Ленина». М. 1925 г.
 130. Его же. — «Фонетика театра». 2-е изд. М. 1925 г.
 131. Его же. — «Против попов и отшельников». М. 1925 г.
 132. Его же. — Ванька-Каин и Сонька Маникюрщица.
 133. Его же. — Календарь.
 134. Его же. — Драма Есенина.
 - 134а. Его же. — Гибель Есенина.
 135. Его же. — Есенин и Москва Кабацкая.
 136. Его же. — Чорная тайна Есенина.
 137. Его же. — Лики Есенина.
-